

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А. С. СКОРОБОГАТОВА
«ОБЩЕСТВО КАК ДОГОВОР МЕЖДУ СИЛЬНЫМИ
И СЛАБЫМИ. ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИКЕ ИСТОРИИ»
(М.: Издательский дом ВШЭ, 2018)**

РОЗМАЙНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
e-mail : irozmain@yandex.ru*

Статья представляет собой расширенную рецензию на книгу А. С. Скоробогатова «Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике истории». Эта монография является попыткой построения общей экономической теории социально-экономической истории, что является почти уникальным для российской экономической литературы. По мнению А. С. Скоробогатова, одной из основных характеристик доиндустриальных обществ является неравномерное распределение «силовых возможностей» между индивидами и их группами. Эта неравномерность порождается различиями в «территориальных аспектах». К таким аспектам относятся геоэкономические, геополитические, «геокультурные» и демографические факторы. Те группы людей, которые обладают более значительными силовыми возможностями, эксплуатируют остальных. Причем чисто экономическая деятельность оказывается «уделом слабых». Но, поскольку любое общество это именно договор между сильными и слабыми, то последние также выигрывают от его формирования. По мнению А. С. Скоробогатова, основная предпосылка для перехода к индустриальному обществу и быстрому экономическому росту связана с усилением связи между экономикой и силовыми возможностями из-за прогресса военных технологий. Предлагаемая в данной статье критика концентрируется на двух направлениях. Во-первых, автор монографии следует стандартной неоклассической трактовке рациональности. Эта трактовка, с одной стороны, вряд ли нужна для получения основных результатов его исследования, а с другой стороны – недостаточно детально обоснована. В частности, рациональность может трактоваться не как универсальная характеристика человеческого поведения, а как продукт социальных норм и институтов. Для типичного человека в доиндустриальную эпоху характерно отсутствие склонности к расчётливости и осуществлению оптимального выбора. Это не противоречит ориентации на собственный интерес. Во-вторых, автор книги уделяет недостаточно внимания «ключке экономического роста» и феномену дивергенции в процессе роста. В статье приводятся отсутствующие в книге аргументы, объясняющие, почему одни страны растут быстрее других. В частности, описаны факторы, способствующие и препятствующие инновационной активности в капиталистических и социалистических системах.

Ключевые слова: экономика истории; рациональность; рост; силовые возможности; институты.

**REFLECTIONS ABOUT THE BOOK BY A. S. SKOROBOGATOV
“SOCIETY AS A CONTRACT BETWEEN THE STRONG
AND WEAK. ESSAYS ON ECONOMICS OF HISTORY”
(M.: HSE Publishing House, 2018)**

IVAN V. ROZMAINSKY,

*Candidate of Economic Sciences,
National Research University Higher School of Economics
e-mail: irozmain@yandex.ru*

The paper is an extended review of the book “Society as a contract between the strong and weak. Essays on economics of history” by A. S. Skorobogatov. This monograph is an attempt to construct the general economic theory of the social-and-economic history, and it is almost unique for the Russian economic literature. According to A. S. Skorobogatov, one of the most important characteristics of the pre-industrial societies is an uneven distribution of the power possibilities among individuals and their groups. This phenomenon is concerned with “territorial aspects”. Such aspects include geo-economic, geopolitical, “geocultural” and demographic factors. Those groups of people who possess more power possibilities exploit the others, and purely economic activity is “the destiny of the weak”. But, inasmuch as any society is a contract between the strong and weak, the latter also received gains from its emergence. According to A. S. Skorobogatov, the main precondition for the transition to industrial society and rapid economic growth is concerned with strengthening of a link between the economy and the power possibilities due to the progress of military technologies. The critique offered in the paper focuses on the two directions. The first one is that the author of the book follows the standard Neoclassical treatment of rationality. This treatment, on the one hand, is hardly necessary for receiving main results of his investigation, and, on the other hand, not argued in detail. In particular, rationality can be treated not as the universal feature of the human behavior, but as the product of social norms and institution. Typical person lived in the preindustrial era, was characterized by an absence of propensities to calculate and to make optimal choice. It is consistent with self-interested behavior. The second direction of the critique is that the author of the book pays insufficient attention to “the hockey stick of the economic growth” and divergence in the process of growth. The paper contains – absent in the book – arguments explaining why some countries grow faster than other countries. In particular, we list factors both encouraging and obstructing innovative activities in the capitalist and socialist systems.

Keywords: *economics of history; rationality; growth; power possibilities; institutions.*

JEL: *A10, E14, O10, P00*

1. Введение

Данная статья представляет собой расширенную рецензию на книгу А. С. Скоробогатова «Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике и истории». Эта монография является попыткой сформулировать фундаментальные теоретические рамки для экономического анализа социально-исторических процессов, то есть «концептуального осмысления истории» (Скоробогатов, 2018, с. 10). С одной стороны, автор пытается рассматривать «динамику истории» с точки зрения экономиста, а, скажем, не социолога или психолога, исходя из важности рациональности экономических субъектов при принятии решений. С другой стороны, он стремится выйти за рамки исследования современного индустриального или постиндустриального общества

и построить более обобщённую теорию, которая объясняла бы также социально-экономическую динамику «отсталых» систем.

Хотя в российской экономической литературе можно найти некоторые отдалённые аналоги – работы А. П. Заостровцева (*Заостровцев, 2014*), Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова (*Нуреев и Латов, 2016*), книга А. С. Скоробогатова занимает особое место. Она носит едва ли не уникальный характер, прежде всего за счёт акцентирования роли того, что можно называть «силовыми возможностями». Ниже мы обсудим, как в данной монографии эти возможности взаимосвязаны с институтами, организациями, техническим прогрессом и экономическим развитием, и с какими аспектами обсуждаемого исследования мы не можем в полной мере согласиться.

2. Территория, силовой потенциал, институты, организации и экономическое развитие

Одна из важных идей монографии состоит в том, что индивиды и их группы «изначально различаются по своим возможностям вследствие различий территорий, на которых они размещены. Следствием этого оказывается неравномерное распределение тех самых «силовых возможностей». Это приводит к тому, что индивиды и их группы, обладающие более значительными силовыми ресурсами, ориентируются в своей «активности» не на производственную деятельность, носящую общественно-полезный характер, а на различные формы грабежа и вымогательства. При этом «разница в силовом потенциале принимает форму неодинаковых организационных возможностей» (*Скоробогатов, 2018, с. 11*). В результате формирование общества оказывается следствием того, что люди (и их группы) с разными силовыми возможностями вступают в долгосрочные отношения, приносящие разные выгоды разным членам этого общества. Лица с более значительным силовым потенциалом получают более крупные выигрыши, чем те, кто слабее.

В обсуждаемой книге восемь глав. В первой главе «Экономический анализ доиндустриального общества» А. С. Скоробогатов говорит о том, что для того, чтобы экономическую теорию можно было применить для исследования «отсталых систем», необходимо отказаться от таких предпосылок неоклассического подхода, как совершенство и однородность естественной среды, а также совершенство и однородность институциональной среды (*Скоробогатов, 2018, с. 14*). На взгляд автора монографии, «сильно» убывающая отдача от масштаба и крайне размытые/плохо защищённые права собственности представляли собой почти универсальные свойства человеческих обществ в доиндустриальную эпоху. При этом указанные «естественные» и «институциональные» возможности были еще очень неравномерно распределены среди населения. Поэтому «основой для потребления и присвоения редких благ по большей части являлось право силы». (*Скоробогатов, 2018, с. 21*). При этом «выигрывали» те, кто преуспевал не в «созидании нового», а в реализации «хищнических наклонностей». В таких условиях «перспектива грабежа как угроза для слабых и как шанс для сильных должна была одинаково ориентировать и тех, и других на непроизводительное употребление излишков» (*Скоробогатов, 2018, с. 22*). Таким образом, если отказаться от вышеуказанных предпосылок в отношении естественной и институциональной сред, экономическую теорию можно и нужно использовать для изучения доиндустриальных систем!

Во второй главе «Несовершенство и неоднородность естественной среды» А. С. Скоробогатов доказывает, вопреки А. Смиту, что в доиндустриальном мире именно различия в естественной среде были основной причиной разницы в благосостоянии между разными странами. Автор пишет о «геокультурных», геоэкономических, демографических и геоэкономических факторов неравенства в «богатстве народов» в доиндустриальную эпоху. На основе учёта этих характеристик в данной главе

рассматриваются функционирование и развитие античной цивилизации, Киевской Руси и Великороссии. В частности, экономическая система Киевской Руси определена как «гидравлическое торговое общество» (Скоробогатов, 2018, с. 44–53) – здесь автор отталкивается от известных идей К. Виттфогеля.

«Лейтмотивом» третьей главы «Силовой потенциал и формы рационального поведения» является идея о том, что рациональное поведение в доиндустриальную эпоху лиц, обладающих более значительным силовым потенциалом, заключается в их ориентации на хищническую деятельность. Хозяйство же оказывается «уделом слабых» (Скоробогатов, 2018, с. 67–68). Автор монографии подробно анализирует распределение занятий между сильными и слабыми в средневековой Руси. Пожалуй, ключевым аспектом и этой главы, и всей книги, является раздел «Изменение в распределении силы и экономический рост в Новое Время» (Скоробогатов, 2018, с. 79–83). В указанном разделе А. С. Скоробогатов пытается объяснить источники быстрого экономического роста, характерного для западной цивилизации в последние два столетия. Ссылаясь на малоизвестную работу Р. Бина, автор монографии полагает, что «ключ к разгадке» связан с изменениями в военных технологиях и вообще с «прогрессом в военном деле». Благодаря этим изменениям в позднее Средневековье, и особенно в Новое Время, «успех в войне во всё большей степени стал определяться поступлениями в казну» (Скоробогатов, 2018, с. 80). Соответственно, чисто хозяйственная деятельность стала приобретать всё большую важность. В результате этого «хозяйство постепенно стало основным источником силового потенциала, что и обеспечило ему ключевое место в жизни развитых обществ». (Скоробогатов, 2018, с. 81). Данное обстоятельство создало основы для того, чтобы уже в конце XVIII – начале XIX вв. процессы накопления капитала, генерирования инноваций и роста уровня жизни стали приобретать всё более устойчивый и всеохватывающий характер.

В четвёртой главе «Организационные предпосылки и последствия неравенства сил» детально обсуждаются связи между организационными и силовыми возможностями и связанные с этим закономерности эволюции различных диктаторских режимов, в частности – царской России и СССР. В частности, автор монографии пытается объяснить, почему пала Российская Империя, с чем были связаны длительные крупномасштабные репрессии в ленинско-сталинский период СССР (здесь активно используется «дилемма царя Ирода»), и почему история Советского Союза закончилась его крахом.

В пятой главе «Организационное многообразие и прогресс» автор монографии особенно активно обращается к научному наследию О. Уильямсона и его последователей – О. Мура, Дж. Харта и других. В ней рассматривается, как разные типы организаций взаимодействуют с техническим развитием и, что, пожалуй, особо важно, какова роль организаций в обеспечении силового потенциала. Организации – важнейшее условие успешного использования силовых возможностей.

В шестой главе «Институты и порядок» А. С. Скоробогатов рассматривает преимущества и недостатки разных «порядков координации» – дарения, дарообмена, рынка, перераспределения и грабежа. Автор развивает важнейший тезис о том, что институциональная эволюция состоит в переходе человеческих обществ от дарения и грабежа к обезличенному рыночному обмену. В этой же главе предлагается ключевая для всей книги классификация институтов и их взаимодействия с технологическими и экономическими решениями. В «основе всего» лежат вышеупомянутые «территориальные» факторы, связанные с геоэкономикой, геополитикой, территорией и «геокультурой». Они влияют на «культурный контекст» (менталитет и идеологию), лежащий в основе институциональной среды в виде различных формальных и неформальных (политических) правил и прав собственности. Эта среда, в свою очередь, влияет на институциональные устройства в виде различных типов контрактов, воздействующих на выбор технологий и размещение ресурсов. Только что описанная

причинно-следственная связь может идти и в обратном направлении: решения в области размещения ресурсов и технологий влияют на институты, которые могут модифицировать «культурный контекст». Это связано с известным разграничением «двух природ»: изначальных характеристиках территории и тех её свойствах, которые обусловлены человеческой деятельностью. В ходе же индустриального развития роль институциональных и технологических факторов становится ощутимо больше.

В седьмой главе «Порядок и иерархия» речь идёт о том, что институты воспроизводят устойчивые различия – на «иерархической лестнице» – между разными лицами и их группами, причём не только в доиндустриальной системе, но и современном, капиталистическом обществе.

Наконец, в восьмой главе «Общественная обусловленность индивидуальной свободы» обсуждается такая «неполиткорректная» тема, как рабство, в том числе и в современном мире, где автор утверждает, что рабство и другие формы «внеэкономического принуждения» составляли и составляют подавляющую часть всей истории человечества.

Таким образом, в книге А. С. Скоробогатова делается попытка формулировки общей теории экономического развития. Согласно этой теории, на протяжении большей человеческой истории «богатства народов» различаются из-за того, что одни народы, в отличие от других, обладают большим силовым потенциалом, что позволяет им эксплуатировать остальных. Дело обстоит так, по крайней мере, если речь идёт о торговых отношениях¹. Поскольку общество это договор между сильными и слабыми, то не только первые, но и последние выигрывают от заключения такого договора. Различия в силовом потенциале определяются геополитическими, геэкономическими, «геокультурными» и демографическими причинами. Переход к «индустриальной эпохе» связан с тем, что прогресс в военном деле требует более значительных хозяйственных успехов, и постепенно возрастает социальная роль лиц, тесно причастных к генерированию таких успехов. А в индустриальном обществе ключевую роль в экономическом развитии начинают играть институты, способствующие обезличенному горизонтальному обмену, углублению разделения труда, инновациям и техническому прогрессу, причём между институциональным и технологическим развитием наблюдается взаимосвязь. Пожалуй, я не припомню, чтобы в отечественной экономической литературе появлялись работы, в которых выдвигалась теория, претендующая на столь обобщённую трактовку «естественно-исторического процесса». Столь «широкий охват» – источник не только многочисленных преимуществ обсуждаемой монографии, но и некоторых «спорных мест», о которых хотелось бы поговорить далее.

3. Рациональность и её границы

Один из аспектов работы, нуждающихся, на наш взгляд, если не в пересмотре, то в уточнении, связан с трактовкой автором фундаментальной поведенческой предпосылки – рациональности человеческого поведения. Из высказываний А. С. Скоробогатова можно сделать вывод, что его работа написана в «русле» неоклассической и неоинституциональной традиций с их акцентом на индивидуальную рациональность как основу человеческого поведения. Принцип рациональности рассматривается как универсальная характеристика «метода экономической теории», характеристика, позволяющая анализировать не только чисто хозяйственные явления, но и процессы, происходящие в области культуры, политики, религии и т.д. (Автономов, 1998). Основанием для такой «экспансии экономической науки», по мнению А. С. Скоробогатова, является то обстоятельство, что «действовать рационально, т.е. пользуясь наилучшим из возможных способов достижения поставленной цели, человек пытается не только в хозяйственной жизни» (Скоробогатов, 2018, с. 14). Таким образом, рациональность трактуется как оптимизирующее, «максимизационное» поведение, т.е., поведение, состоящее в стремлении к «лучшим результатам». Указывая на это, автор ссылается

¹ Указанный вывод не распространяется на случай войн между странами.

на работу Р. Хайлбронера, в которой обосновываются «претензии» экономической науки на универсальность: «большинство, если не все человеческие действия можно объяснить в терминах единой логики, которая накладывает на них свой универсальный отпечаток – отпечаток расчета и оптимального выбора, который и есть “экономика”» (*Хайлбронер, 1993, с. 45*). Аналогично трактовал рациональность – как «расчётливость» [calculatedness] – знаменитый методолог Х. Лейбенштайн (*Leibenstein, 1976; Dean and Perlman, 1998*).

При этом автор обсуждаемой работы полагает, что такая «склонность к расчётливости» представляет собой типичное свойство человеческого поведения не только в современную, индустриальную эпоху. Он пишет: «показать наличие рационального расчёта в любых соображениях во все времена нетрудно, поскольку они необходимо вытекают из ограничений, накладываемых окружающим миром на жизнь человека в плане её продолжения и удовлетворительности. Поскольку типичный индивид желает жить и жить хорошо, ему придётся действовать в соответствии с этой целью». (*Скоробогатов, 2018, с. 76*).

Как было сказано чуть выше, А. С. Скоробогатов полагает, что его книга развивает – или, точнее говоря, расширяет – неоклассическую традицию с её приверженностью «расчётам и оптимальному выбору», отличаясь от неё лишь более реалистичной трактовкой естественной и институциональной сред, трактовкой, подчёркивающей их несовершенство и разнородность. Но только что описанный принцип индивидуальной рациональности не подвергается сомнению и рассматривается как краеугольный камень для формулировки основных выводов монографии. Таким образом, обсуждаемая работа претендует на то, чтобы быть частью современного экономического «мейнстрима». К нему, как известно, относится вся неоклассическая теория, а также неoinституционализм с его акцентом на роль ограниченной рациональности, оппортунизма, трансакционных издержек и институтов как правил или контрактов, минимизирующих эти издержки, и новое кейнсианство с его интересом к различным последствиям асимметрии информации. Большое количество ссылок на Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта и других известных неoinституционалистов, и подчёркивание важности институтов для понимания факторов экономического развития, вроде бы делает данное исследование продолжением «линии» неoinституционалистов, которые, в свою очередь, расширяли рамки неоклассического подхода. Однако более пристальное изучение монографии побуждает сомневаться в таком её «позиционировании».

Начнём с того, что описанная трактовка рациональности не позволяет отождествлять её с обычным «следованием личному интересу». Иными словами, «экономический человек» А. Смита – это ещё не рациональный «репрезентативный агент» современной экономической теории, будучи лишь его «зачатком». Рациональное поведение равнозначно расчётливому поведению, ориентированному на достижение наилучшего результата, т.е. на оптимизацию. Описанное А. Смитом «отсутствие благожелательности» у пивовара, мясника или булочника (*Smith, 2007, p. 16*) ещё не делает их «рациональными оптимизаторами». Эгоистические стремления совершенно не обязательно реализуются расчётливо, они могут «манifestироваться», к примеру – через эмоции и следование привычкам. Различие между смитовским «экономическим человеком» и «репрезентативным агентом», максимизирующим свою целевую функцию, представляет собой один из водоразделов между классической и неоклассической теориями, к сожалению, не упомянутыми автором в первой главе, где он их сопоставляет. И здесь же – водораздел между теми теориями, которые не вписываются в современный мейнстрим и по тем или иным не предъявляют жёстких требований к счётным и познавательным способностям людей, с одной стороны, и самим мейнстримом, с другой стороны (см. также *Автономов, 1998, с. 17*).

Далее. Неоклассическая концепция рациональности лежит в основе утверждений о том, что решения типичного индивида определяются его индивидуальными целями и предпочтениями, а не давлением социальных, классовых или групповых норм. И здесь – снова водораздел между мейнстримом и «немейнстримом» или «гетеродоксией». Представители «немейнстримных» течений – традиционные институционалисты, марксисты и проч. – исходят из того, что действия людей в значительной степени предопределены их классовой или групповой принадлежностью (Автономов, 1998; Rutherford, 1995)². В частности, это может означать, что, скажем, стремление типичного производителя к максимальной прибыли может трактоваться как следствие определённых норм или институтов, а не как универсальная характеристика человеческой природы, на что претендуют неоклассики. Иными словами, сама по себе рациональность – следствие определённой институциональной или культурной эволюции. К этому выводу приводит и анализ «протестантской этики и духа капитализма» М. Вебера (Вебер, 1990), и «теория праздного класса» Т. Веблена (Веблен, 2011), и другие концепции. Более того, рациональность может носить переменный характер (Автономов, 1998, с. 184–187; Leibenstein, 1976).

Внимательное изучение обсуждаемой монографии побуждает сомневаться в сильной принадлежности проведённого в ней экономического анализа мейнстриму. Рассмотрим с этой точки зрения вторую главу, посвящённую, как уже говорилось, несовершенству и неоднородности естественной среды. В этой главе, по сути, формулируется то, что можно назвать «гипотезой географического детерминизма», которая далее развивается в некоторых последующих главах, особенно в шестой главе. Согласно этой гипотезе, неравномерное распределение силовых возможностей между отдельными индивидами, их группами и странами задаётся географическими факторами. Как уже упоминалось, к ним относятся геополитические аспекты (внешнеполитические характеристики территории типа открытости или закрытости местности), геоэкономические аспекты (климат, почва, обеспеченность ресурсами и прочее), геокультурные аспекты (религия и идеология) и демографические характеристики (плотность населения, теснота внутренних торговых связей и т.д.). Возникает впечатление, что, развивая эту гипотезу, А. С. Скоробогатов отталкивается от идей Ф. Броделя, И. Валлерстайна, К. Виттфогеля и известных отечественных исследователей С. Кирдиной и О. Бессоновой. Всех этих учёных можно отнести к таким течениям экономической и социальной мысли, как традиционный институционализм и мир-системный анализ. Ни в их работах, ни в материале второй главы – нет ничего об индивидуальном выборе и рациональной оптимизации. Распределение людей на «сильных и слабых» и принимаемые ими решения определяются географией, культурой, институтами – вот основная идея! Иными словами, территориальные преимущества позволяют одним группам людей эксплуатировать другие группы, независимо от расчётливости тех, кто эксплуатирует, и тех, кого эксплуатируют. Такой «географический детерминизм» можно обосновать, не ссылаясь на максимизирующее поведение. Обладатели более значительных силовых возможностей будут эксплуатировать остальных просто из «смитовского» следования личному интересу без всякой оптимизации. Точно также, скажем, формулировка гипотезы о том, что Киевская Русь – это «гидравлическое торговое общество» вследствие наличия водных путей как важнейшего геоэкономического и геополитического свойства, и важности реки для торговли, а не для земледелия, никак не связана с тем, максимизируют люди свои целевые функции или нет. Опять-таки, достаточно просто «своекорыстного поведения», описанного в работах классиков.

² Автор монографии неоднократно упоминает в своей работе теорию К. Маркса, положительно относясь и к восприятию К. Марксом экономического развития как естественно-исторического процесса, и к его идеям «зарплатного рабства» и «товарного фетишизма». Однако, хотя в этой теории и капиталисты, и рабочие преследуют свои интересы, нет оснований считать подход К. Маркса неоклассическим: поведение и капиталистов, и рабочих управляется их классовой принадлежностью!

Сам переход от первой главы, в которой идёт речь о важности отказа от предпосылки совершенства/однородности естественной и институциональной сред, ко второй главе, в которой рассматриваются последствия несовершенства и неоднородности естественной среды, выглядит логичным. Но методология этих двух глав, на наш взгляд, различается. Точнее говоря, апелляция автора к значимости неоклассических идей выглядит ненужной. Единство этих двух глав и книги в целом было бы большим, если бы А. С. Скоробогатов объяснил, к примеру, почему следование методологии К. Виттфогеля совместимо с приверженностью неоклассической традиции, а также продемонстрировал, почему для получения результатов его второй главы недостаточно тех предпосылок относительно человеческого поведения, которым придерживались, скажем, А. Смит или К. Маркс. На наш взгляд, напрашивающиеся с неоклассической точки зрения утверждения о том, что, мол, географические факторы «задают рамки» для рациональной деятельности, недостаточны. Это связано с тем, что – повторимся – влияние указанных факторов может реализовываться через «обычное» своекорыстное поведение, не характеризующееся «неоклассической оптимизацией».

Собственно, очень похожие замечания можно сформулировать и в отношении предлагаемой автором в шестой главе (и также упомянутой выше) классификации институтов (*Скоробогатов, 2018, с. 156*). Взаимосвязь «территория – институциональная среда – институциональные устройства – технология – размещение ресурсов» действует независимо от рациональности поведения экономических субъектов. Более того, эту рациональность, в соответствии с традиционно-институциональным подходом, вполне можно вписать в эту схему. Стремление к «расчётам и оптимальному выбору» стоит рассматривать как часть менталитета, задаваемого, с одной стороны, «геокультурными» и геоэкономическими факторами, а с другой стороны – институциональной средой, технологическим и экономическим развитием. С одной стороны, рациональность формируется как религией и культурой, так и особенностями хозяйственного развития. Развитие рыночных отношений постепенно приучает людей к всё большей расчётливости при принятии решений, что, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию таких отношений. Иными словами, рациональность сама по себе может восприниматься как культурно обусловленная норма поведения.

На наш взгляд, проблема недостаточной чёткости определения того, что такое рациональность и каковы её границы, «всплывает» в четвёртой главе монографии, при обсуждении краха Российской Империи. Автор пишет: «В теории диктатуры Уинтроуба предполагается наличие у диктатора целевой функции, которую он непременно максимизирует. Но возможен и такой тип, который просто довольствуется своим положением: ему достаточно власти и богатства, и всё, что ему требуется, – это время и свобода насладиться всем этим». (*Скоробогатов, 2018, с. 110*). И далее автор утверждает, что такое «довольствование своим положением» характеризовало такого «диктатора», как Николая Второго. Но можно ли считать последнего русского царя «максимизатором»? На наш взгляд – нет. Мы видим здесь типичную «ориентацию на удовлетворительный результат», описанную Г. Саймоном (*Jones, 2002*) и рассматриваемую в работах ряда традиционных институционалистов (*Rutherford, 1995*).

На наш взгляд, значительная часть истории человечества – это история «слабой» или «низкой» рациональности, если понимать её так, как это делали вышеупомянутые Р. Хайлбронер, Х. Лейбенштайн и другие. Укоренение же рациональности как стремления к расчётливому выбору, возможно, является следствием культурной и институциональной эволюции, а также технологического развития.

А. С. Скоробогатов много цитирует в своей монографии А. И. Солженицына, находя в его произведениях различные обоснования своих взглядов. Мы же приведём выдержку из произведения не менее выдающегося русского писателя – А. П. Чехова – который в полуавтобиографической повести «Моя жизнь (записки провинциала)» «представил»

такое описание поведения типичных русских крестьян: «это были люди с подавленным воображением, невежественные, с бедным, тусклым кругозором, все с одними и теми же мыслями о серой земле, о серых днях, о чёрном хлебе, люди, которые хитрили, но, как птицы, прятали за дерево только одну голову, – которые не умели считать. Они не шли к вам на сенокос за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра». (Чехов, 2015, с. 286). Следует учесть, что это произведение было впервые опубликовано в 1896 году, в разгар «развития капитализма в России». Что уж говорить о поведении «репрезентативных агентов» в докапиталистической России и вообще в доиндустриальную эпоху?

А вот отрывок из другого произведения Чехова «Холодная кровь», где описывается поведение и ментальность перевозчика скота: «... понесённый им убыток мало волнует его. Ему всё равно, что убыток, что польза, лишь бы только были у него слушатели, было бы о чём хлопотать да не опоздать бы как-нибудь на поезд» (Чехов, 2015, с. 124).

Автор обсуждаемой книги отвергает мысль о том, что «в доиндустриальном обществе рациональный расчёт не играл большой роли в поведении типичного члена общества и, значит, экономическая теория вовсе не пригодна для изучения доиндустриального общества» (Скоробогатов, 2018, с. 76). Мы полагаем, что в завышенной фразе её первая часть верна, вторая – нет. Рассмотрение географических или культурных ограничений экономических решений может вполне анализироваться экономической теорией даже в условиях «слабой» рациональности. Но такая теория окажется в той или иной степени за рамками современного мейнстрима. Мы согласны с Д. Нортом, отметившим, что «тенденция переносить предпосылку рациональности в чистом виде на более сложные проблемы, включающие в себя неопределённость, столь характерная для экономистов, стала препятствием на пути прогресса в понимании нами социального ландшафта» (Норт, 2010, с. 43). Для обоснования неравенства и эксплуатации достаточно использовать предпосылку «обычного» следования личному интересу без апелляции к расчётливости и максимизации.

4. О загадках экономического роста

Другой аспект, нуждающийся в критическом разборе, – вопрос о причинах быстрого экономического роста в странах Запада, начавшегося на рубеже XVIII и XIX вв. Не случайно некоторые исследователи используют термин «кляушка экономического роста». Если представить себе совокупное производство на вертикальной оси, а на горизонтальной отложить время, то график будет иметь вид хоккейной клюшки. Мы увидим на таком графике многовековое или даже «многотысячелетнее» отсутствие заметной положительной динамики производства и его быстрый рост, начавшийся около двух столетий назад.

О том, что доиндустриальная эпоха характеризовалась нулевым ростом, пишет и сам автор монографии (Скоробогатов, 2018, с. 21). Однако, на наш взгляд, в книге уделено недостаточно внимания причинам перехода на «рельсы» быстрого и устойчивого роста западных экономик, хотя для любой общей теории экономического развития вопрос о таких причинах должен быть центральным. Объяснению этих причин посвящён лишь последний раздел третьей главы (с. 79–83). Как уже было сказано, в качестве предпосылок для «экономического взлёта» в монографии рассматривается – появившееся в позднее Средневековье и в начале Нового времени – усиление зависимости успехов в войнах от хозяйственной развитости в связи с прогрессом в военных технологиях. В результате «экономическая деятельность стала находиться в гораздо более тесной связи с деятельностью политиков и военных, чем это было раньше. Сила купцов и промышленников – прослойка, занятых хозяйством, а не войной, – выразилась в обретении ими контроля над политическими институтами в странах Запада» (Скоробогатов, 2018, с. 80). Иными словами, благодаря совершенствованию военных технологий возникла

«сильно позитивная» связь между экономической деятельностью и обеспечением безопасности, связь, прежде отсутствовавшая. Таким образом, «важнейшим критерием разграничения основных стадий общественного развития – доисторической, доиндустриальной и индустриальной – является теснота связи между хозяйством и силовым потенциалом. От этой связи зависит распределение силовых ресурсов между обеспечением созидательной и перераспределительной деятельности...» (*Скоробогатов, 2018, с. 82*). В доиндустриальные периоды хозяйственная деятельность не обеспечивала безопасности и поэтому во многом была «уделом слабых».

Но тогда непонятно, почему же именно к началу Нового времени прогресс в военном деле дошёл до такой стадии, что созидательная, а не перераспределительная, деятельность стала играть ключевую роль, и почему никогда раньше этот прогресс не заходил так далеко? И почему в процессе экономического развития сначала преуспела Англия, а затем США, в то время как Испания и страны Латинской Америки – нет? Разве в Испании, Португалии или Бразилии связь между хозяйством и силовым потенциалом не была тесной? Здесь выглядит более убедительной концепция «позднего» Д. Норта (*Норт, 2010*), согласно которой случившемуся в Англии – «родине капитализма» – промышленному перевороту предшествовала происходившая в XVI–XVIII вв. благоприятная институциональная эволюция. Эта эволюция, особенно ускорившаяся после Славной революции 1688–1689 гг., привела к ограничению произвола королевской власти, всё большей независимости судебной системы, к равенству перед законом для всех граждан страны, и, что самое важное, к эффективной защите прав собственности и контрактов. Данные процессы и создали предпосылки для быстрого экономического роста, который постепенно «вовлёл в свою орбиту» остальные западные (а потом и некоторые не западные) страны (*Заостровцев, 2014*)³.

Монография была бы более убедительной, если бы обсуждение причин перехода к быстрому экономическому росту не было бы ограничено несколькими страницами и содержало сравнительный анализ альтернативных концепций экономического развития – ну хотя бы того же Д. Норта с его акцентом на важность систем убеждений и институционального каркаса, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона с их теорией инклюзивных и экстрактивных институтов, а также Л. Мизеса (*Заостровцев, 2014; Норт, 2010; Acemoglu and Robinson, 2012*).

Но «ключка экономического роста» – не единственная из загадок роста. Ещё одна загадка – на которую чуть выше мы уже намекнули – связана с феноменом дивергенции растущих экономик. Почему одни страны растут быстрее, чем другие? Вопрос относительно Англии/Испании и США/Латинской Америки уже был задан, но, возможно, даже более интересны вопросы о различиях в «траекториях роста» между странами, которые уже в XX в. сначала находились на одном и том же уровне развития, а затем «пошли разными путями». Речь идёт о различиях между Австрией и Венгрией, ФРГ и ГДР, Южной Кореей и Северной Кореей, и т.д. Эти вопросы касаются не только сравнения стран с капиталистической и социалистической системами. Почему вторая половина XX в. оказалась «благословением» для Финляндии и Ирландии, но «проклятием» для Аргентины и Венесуэлы?⁴ И, наконец, почему же случился экономический крах Советского Союза?

Возможно, предложенный А. С. Скоробогатовым подход позволяет дать адекватные ответы на эти вопросы, но в обсуждаемой книге эти ответы отсутствуют, хотя, на наш взгляд, они очень важны, в том числе и для понимания того, что происходило и происходит с царской, советской и постсоветской Россией. В четвёртой главе, как уже говорилось, автор много говорит о закономерностях развития и упадка царской и советской диктатур.

³ К очень схожим выводам приходят в своей работе Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон (*Acemoglu and Robinson, 2012*).

⁴ Здесь следует отметить, что приведённый в книге обзор неоклассической теории роста (*Скоробогатов, 2018, с. 19–20*) явно является неполным; автор ограничивает этот обзор лишь обсуждением модели Солоу – Свэна и моделей роста с эндогенными сбережениями, вообще не упоминая о моделях Ромера, Лукаса, Агиона – Хауитта и других концепциях, в которых делается попытка объяснения дивергенции в современном мире.

К сожалению, в этой главе мало говорится о связи между институтами и экономическим ростом в указанные периоды времени. При этом утверждается, что «упразднение старой советской диктатуры» в 1990-е гг. стало – через генерирование «структурной» и «конъюнктурной нестабильности» – причиной спада производства. Но почему-то ничего не говорится о том, что именно неэффективность институтов экономической системы планового социализма способствовала и краху СССР, и тупику всей социалистической системы, выход из которого без обвального спада было трудно осуществить.

В этой связи было бы полезно вспомнить о теории инноваций Я. Корнаи, согласно которой технологические и продуктовые нововведения естественным образом генерируются в такой институциональной среде, в которой присутствуют конкуренция, децентрализованная инициатива, возможность проведения экспериментов, ожидания крупного материального вознаграждения за инновации и гибкость их финансирования (Корнаи, 2012, с. 52–54). Эти свойства отсутствуют как в доиндустриальном обществе, так и при плановом социализме. О последнем Я. Корнаи много пишет, указывая на такие характеристики социалистической системы, как централизованный характер принятия большинства значимых решений, отсутствие конкуренции, невозможность экспериментировать с инновациями, нулевое вознаграждение за них и чрезвычайная негибкость их финансирования (Корнаи, 2012, с. 59–61). Всё это делает социализм принципиально неинновационной системой. На наш взгляд, именно здесь можно найти причины того, почему одни страны растут гораздо быстрее других. Предложенное в монографии описание социальных и экономических проблем различных периодов российской истории было бы глубже, если бы эти связи между институтами и склонностью к инновациям были рассмотрены более подробно⁵.

5. Заключение

Как уже говорилось, книга А. С. Скоробогатова претендует на теоретическое обобщение возникновения и социально-экономического развития человеческих обществ. Предложенная в книге причинно-следственная цепочка между географическими факторами, силовым потенциалом, организациями, институтами, технологиями и экономическим ростом (или его отсутствием) отличается новизной и выглядит заслуживающей определённого доверия. Каждое общество можно рассматривать как договор между сильными и слабыми; причём сильные это обладатели более значительных организационных преимуществ, полученных благодаря географическим факторам. Но от образования общества выигрывают также слабые, хотя и в меньшей степени, чем сильные. По мере эволюции общества роль лиц, причастных к чисто хозяйственным успехам, повышается, и происходит экономическое развитие, причём при наступлении индустриальной эпохи такое развитие осуществляется ускоренными темпами. Таким образом, предложенная А. С. Скоробогатовым концепция отличается от теории К. Маркса, в которой в выигрыше оказываются только эксплуататоры. В то же время эта концепция отличается и от типовых неоклассических моделей общего равновесия, не признающих иерархические отношения и организационное неравенство между разными членами обществ.

Вместе с тем полученные автором научные результаты были бы ещё убедительнее, если бы более подробно была обсуждена фундаментальная предпосылка рациональности человеческого поведения, а также гораздо больше внимание было уделено собственно экономическому росту. В частности, из книги не ясно, почему СССР в конечном итоге проиграл «холодную войну» Западу и, что более важно, почему сейчас, в десятые годы, российская экономика почти не растёт, несмотря на обилие востребованных в мире природных ресурсов. Правда, ответы на подобные вопросы не являются непосредственно

⁵ И ещё – по поводу роли военного потенциала. Как с помощью предлагаемой автором теории можно объяснить феноменальные успехи Швеции в течение последних двух веков, особенно XX в. – страны, которая на протяжении указанного периода времени неуклонно следовала и следует принципу нейтралитета и не вступает ни в какие военные блоки, включая НАТО?

частью темы, «заданной» обсуждаемым опусом, но, если бы такие ответы были даны в тексте, он «выиграл» бы. Но в любом случае данная монография сильно стимулирует научное воображение, и мы рекомендуем ознакомиться с ней всем, интересующимся проблемами на стыке экономики и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов В. С. (1990). Модель человека в экономической науке. СПб: Экономическая школа, 232 с.

Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс, 808 с.

Веблен Т. (2011). Теория праздного класса. М.: Либроком, 368 с.

Заостровцев А. П. (2014). О развитости и отсталости: как экономисты объясняют историю. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 248 с.

Корнаи Я. (2012). Размышления о капитализме. М.: Издательство Института Гайдара, 352 с.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 256 с.

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2017). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 268 с.

Скоробогатов А. С. (2018). Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике истории. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 248 с.

Чехов А. П. (2015). Пассажир первого класса. СПб.: Азбука-Аттикус, 352 с.

Хайлбронер Р. (1993). Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*, 1, 41–55.

Acemoglu, D. and Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. N. Y.: Crown Publishers, 544 p.

Dean, J. W. and Perlman, M. (1998). Harvey Leibenstein as a Pioneer of Our Time // *The Economic Journal*, 108 (446), 132–152.

Jones, B. D. (2002). Bounded rationality and public policy: Herbert A. Simon and the decisional foundation of collective choice // *Policy Science*, 35 (3), 269–284.

Leibenstein, H. (1976). *Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics*. London: Harvard University Press, 288 p.

Rutherford, M. (1995). *Institutions in Economics. The Old and New Institutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 225 p.

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Lausanne: MetaLibri, 745 p.

REFERENCES

Acemoglu, D. and Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. N. Y.: Crown Publishers, 544 p.

Autonomov, V. S. (1998). *Model of Man in Economic Science*. Saint Petersburg: “Ekonomicheskaya shkola” Press, 232 p. (In Russian).

Chekhov, A. P. (2015). *The First-Class Passenger*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 352 p. (In Russian).

Dean, J. W. and Perlman, M. (1998). Harvey Leibenstein as a Pioneer of Our Time. *The Economic Journal*, 108 (446), 132–152.

Heilbroner, R. (1993). *Economics as Universal Science. THESIS. Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*, 1, 41–55. (In Russian).

Jones, B. D. (2002). Bounded rationality and public policy: Herbert A. Simon and the decisional foundation of collective choice. *Policy Science*, 35 (3), 269–284.

Kornai, J. (2012). *Reflections on Capitalism*, Moscow: Gaydar’s Institute Press, 352 p. (In Russian).

Leibenstein, H. (1976). *Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics.* London: Harward University Press, 288 p.

North, D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change.* M.: HSE Press, 256 p. (In Russian).

Nureev, R. M. and Latov, Yu. V. (2017). *Economic History of Russia (An Experience of Institutional Analysis).* M.: KNORUS, 268 p. (In Russian).

Rutherford, M. (1995). *Institutions in Economics. The Old and New Institutionalism.* Cambridge: Cambridge University Press, 225 p.

Skorobogatov, A. S. (2018). *Society as a Contract Between The Strong and Weak. Essays on Economics of History.* M.: HSE Publishing House, 248 p. (In Russian).

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* Lausanne: MetaLibri, 745 p.

Veblen, T. (2011). *The Theory of the Leisure Class.* M.: Librocom, 368 p. (In Russian).

Weber, M. (1990). *Selected Works.* M.: Progress, 808 p. (In Russian).

Zaostrovsev, A. P. (2014). *On Development and Backwardness. How Do Economists Explain History?* St. Petersburg: European University Press, 248 p. (In Russian).